

УДК 94(47).084.3/084.6

В.И. ИСАЕВ

СУДЫ СИБИРИ НА ЗАЩИТЕ ПРАВ ЖЕНЩИН В 1920-е гг.*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: history49@mail.ru

В статье освещаются проблемы материально-бытового и правового положения женщин в Сибири в 1920-е гг. Показана деятельность судебных учреждений Сибири, направленная на защиту их имущественных и личных прав.

Ключевые слова: равноправие полов, моральное сознание, правовое положение женщин, трудовые отношения, профсоюзы, семья, семейно-брачное право, суд, женская преступность.

Революция 1917 г. в России вызвала существенные перемены в правовом статусе женщин, в семейной жизни и во взаимоотношениях полов. В числе первых декретов советской власти были приняты законы об отмене всяческой дискриминации женщин, установлении юридического равноправия полов, ликвидации института так называемых «незаконнорожденных» детей, светском браке и свободе развода. Разумеется, реальные отношения между полами не изменились сразу после опубликования новых законов, но начавшиеся изменения права, морали, общественного сознания в целом постепенно подготавливали почву для формирования современного типа семьи и новых отношений между мужчиной и женщиной.

Важную роль в этом процессе играли судебные органы, которые от имени государства были призваны отстаивать интересы женщины в случае нарушения ее имущественных или личностных прав. В настоящей статье мы рассмотрим некоторые направления работы судов Сибири по защите прав женщин и установлению равноправия между полами. Источниками для рассмотрения темы послужили в основном документы Государственного архива Новосибирской области (ГАО), а также опубликованные материалы изучаемого периода.

После социальных потрясений в годы войн и революций остро ощущалась необходимость выработки новых норм и принципов в области взаимоотношений между полами. Неопределенность и левацкие взгляды в вопросах половой и семейной жизни, вызванные крушением прежнего устройства жизни и революционной эйфорией, порождали нигилизм, пренебрежение к традиционным нравственным нормам, половую распущенность.

Страдала от подобных новшеств, прежде всего, женская часть населения. Так, «свободные отношения» между полами стали основой для увеличения количества нежелательных беременностей женщин. В середине 1920-х гг. во многих городах Сибири наметилась тенденция значительного роста количества аборт, в деревне она сдерживалась господством традиционной крестьянской морали. Действовавшее в то время законодательство разрешало аборт, но только после собеседования с беременной женщиной на заседании специальной комиссии. Если в 1925 г. в Сибирском крае сделано 4964 официально разрешенных аборта (еще больше, по оценке правоохранительных органов, было количество нелегальных), то за первую половину 1926 г. число официально разрешенных аборт составило 4376, следовательно, только за один год выросло почти вдвое¹.

Защита интересов женщин, в частности, в области охраны их здоровья и жизни, требовала уголовного преследования подпольного проведения аборт, после которых нередки были случаи гибели женщин. В судах Сибирского края в 1920-е гг. довольно часто рассматривались дела против знахарок и недобросовестных медицинских работников, занимавшихся незаконным проведением аборт. Обычно по таким делам выносились приговоры, предусматривавшие лишение свободы, что должно было предостеречь и женщин, и подпольных «специалистов» от подобной практики².

Рост количества аборт был вызван, помимо других причин, крайне слабой работой в области полового просвещения, невежеством большинства молодежи в вопросах половой жизни. В городах Сибири в 1927 г. действовало 35 женских консультаций, что, безусловно, было недостаточно для обслуживания многочис-

*Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00224а.

¹ ГАО. Ф. П-2. Оп. 2-1. Д. 2439. Л. 52–53.

² Там же. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 14. Л. 32.

ленного женского населения края. При этом только в 9 из них были оборудованы кабинеты, где женщин принимали не только в связи с уже наступившей беременностью, но для любых консультаций, включая вопросы предохранения от нежелательной беременности. В сельской же местности специализированная служба помощи женщинам отсутствовала вовсе³.

Все это приводило к печальным последствиям: некоторые молодые матери, не готовые брать на себя бремя воспитания детей, старались избавиться от нежелательного ребенка всеми способами. По данным правоохранительных органов Сибири, в середине 1920-х гг. жители сибирских городов подбирали на улицах до полутысячи подброшенных младенцев за год⁴. Но еще бóльшим злом было убийство ребенка самой матерью, давшей ему жизнь и тут же отнявшей ее. Судебные органы Сибирского края вынуждены были рассматривать многочисленные случаи убийства новорожденных детей женщинами, пытавшимися таким образом избавиться от нежелательного ребенка или скрыть сам факт беременности и родов. При этом почти 100 % детей были убиты в грудном возрасте, почти тотчас же после рождения⁵.

Среди всех уголовных дел детоубийство являлось наиболее специфичной преступностью, при этом тяжесть обвинения ложилась почти исключительно на женщину, решившуюся на такой отчаянный шаг. Однако это преступление было неразрывно связано с условиями быта и экономической зависимостью женщины. Нищета, одиночество, боязнь травли со стороны окружающих, незнание женщинами своих законных прав по отношению к семье и обществу являлись почвой, на которой вырастал этот особый вид преступности. Об этом говорят и те причины преступлений, которые, представ перед судом, называли матери-детоубийцы: боязнь позора, осуждения семьи – 40 %; бедность, одиночество – 25; желание избавиться от ребенка – 10; ревность – 5 %⁶.

По социальному положению женщины, решившейся на детоубийство, подразделялись следующим образом: крестьянки-беднячки – 43,3 %; батрачки – 18,3; середнячки – 13,4; неимущие (так в документе. – В.И.) домохозяйки – 13,4; работницы – 3,3; служащие – 3,3; домработницы – 3,3; безработные – 1,7 %. Как показывают эти данные, преобладающее число таких преступлений давала деревня, так как больше половины (61,6 %) всех обвиняемых женщин составляли бедные крестьянки и батрачки. Закономерно, что в деревне, где культурно-бытовой уровень населения оставался значительно ниже, чем в городе, где «незаконнорожденный» ребенок ложился позорным пятном на всю жизнь женщины, где подвергалась травле не только одинокая молодая мать, но и вся семья, случаев детоубийства было больше. К тому же, в деревне почти не было больницы, чтобы сделать аборт, а услуги знахарки

являлись дорогими. Сказывалась и сплошная правовая неграмотность сельского населения, которое слабо представляло, что теперь у каждой женщины есть право не только формально установить отца, но и получать от него материальную помощь для ребенка.

В городе, где многие женщины, особенно работавшие на производстве или в учреждении, знали хотя бы в основных чертах свои права и обращались в суд для их реализации, случаев детоубийства было значительно меньше. К тому же в городе имелись больницы, комиссии по разрешению аборт, дома матери и ребенка.

Показательно, что среди городских женщин-детоубийц наибольшую долю составляли бедные («неимущие») домашние хозяйки. Неработавшая домохозяйка, лишенная поддержки профсоюза, находилась почти в таких же условиях, что и крестьянка (предрассудки, низкий культурно-бытовой уровень, незнание своих прав).

В материалах архивного фонда Сибирского краевого суда и в других фондах, находящихся в ГАНУ, отложились документы по некоторым судебным процессам, где рассматривались подобные драматические случаи. Обычно судьи, понимая, что на такой шаг несчастных женщин толкнули беспросветная нужда и отчаяние, выносили довольно мягкие приговоры, хотя лишение свободы по статье, связанной с убийством, было неизбежно. В целом в середине 1920-х гг. около 65 % женщин, представших перед судом по обвинению в детоубийстве, приговаривались к лишению свободы на срок от двух до восьми лет⁷.

Тяжелые времена переживал в 1920-е гг. институт семьи. Некоторые догматы марксизма, положенные в основание советской идеологии и морали, послужили основой для распространения «левацких» взглядов: пропаганды ликвидации семьи вообще как социального института, немедленной отмены норм и принципов традиционной морали, третирования любви между мужчиной и женщиной как буржуазного пережитка. Распространение подобных взглядов грозило обернуться дезорганизацией общества, деградацией морали, тысячами поломанных судеб. Конечно, в реальной жизни большинство людей продолжало придерживаться традиционных взглядов, но в то же время немалая часть коммунистов, комсомольцев, рабочей и крестьянской молодежи пыталась жить по-новому, что приводило к серьезным осложнениям в личной и общественной жизни.

Следует отметить, что в 1920-е гг. теория об отмирании семьи вовсе не выглядела заумным изобретением левых экстремистов, скорее она претендовала на то, чтобы стать основой для общественных ориентиров в этой области. Например, социолог С.Я. Вольфсон, считавшийся видным специалистом по проблемам брака и семьи, утверждал, что «социализм несет с собою отмирание семьи» [1, с. 375–376]. Среди партийных работников эта точка зрения также была популярна.

³ Сибирский медицинский журнал. 1927. № 2–3. С. 21.

⁴ ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 312. Л. 250.

⁵ Там же. Ф. П-2. Оп. 2-1. Д. 4029. Л. 63.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 4027. Л. 61.

⁷ Там же. Л. 62.

Выступая 13 февраля 1926 г. на совещании женорганизаторов при ЦК ВКП(б), представитель Наркомата юстиции Я.И. Бранденбургский заявлял: «Семья, конечно, исчезнет и будет заменена государственной организацией общественного воспитания и социального обеспечения» [2, с. 5]. Подобные настроения и взгляды прослеживаются и по документам сибирских организаций, отделов и секторов по работе среди женщин⁸.

Влияние теории об отмирании семьи проявилось в эти годы и в законодательстве. В 1925–1926 гг. дискуссии по проблемам становления советского типа семейных отношений протекали в рамках обсуждения проекта нового Кодекса о браке и семье. Так, в январе–феврале 1926 г. культотдел Сибирского краевого совета профсоюзов организовал широкую дискуссию по проекту кодекса⁹.

Особенно остро дискутировался вопрос о признании фактических, но юридически не оформленных браков. Закон, принятый в 1918 г., признавал только юридически оформленный в ЗАГСе брак, венчание в церкви было объявлено частным делом. Но в молодежной среде в это время была широко распространена практика создания фактических браков, заключавшихся под девизом борьбы за новый быт, установления равноправия и полного доверия между мужчиной и женщиной. Непризнание их государством было бы несправедливо по отношению к той части населения, которая искренне боролась за становление новых отношений между полами. К тому же в случае распада такой семьи женщины с детьми терпели материальный ущерб. Поэтому проект Кодекса о браке и семье 1926 г. предлагал считать одинаково равными по юридическим последствиям как зарегистрированный ЗАГСом, так и фактический брак. Прогрессивность такого предложения усматривалась в том, что таким образом усиливалась регулятивная функция морали, что ускоряло процесс формирования новых моральных норм в семейных отношениях.

Вместе с тем, очевидны были и слабые стороны такого положения, возможности злоупотребления необязательностью юридического оформления отношений. Поэтому против признания законом фактического брака выступали многие жители Сибири. Например, женщины Закаменского района Новосибирска подали даже коллективный протест против проекта семейно-брачного Кодекса¹⁰. Во Дворце труда в Новосибирске 1 февраля 1926 г. состоялось обсуждение проекта Кодекса. Пункт о признании фактических браков вызвал серьезные возражения. По этой причине из более чем тысячи присутствовавших лишь 77 чел. проголосовало за поддержку проекта¹¹.

О том, что протесты против признания фактических браков имели серьезные основания, свидетельс-

твуют, в частности, данные судебной статистики. Мы уже отметили такие печальные последствия дестабилизации семейно-половой сферы, как убийство новорожденных детей своими несостоявшимися матерями. При анализе причин и обстоятельств, приведших к роковому исходу, выяснялось, что среди погибших детей родившиеся от случайной связи составляли 63,4 %; родившиеся в фактическом браке 23,3; в зарегистрированном браке – 6,7 %¹².

Вместе с тем многие жители Сибири понимали и принимали положительные стороны нового Кодекса. Так, на многочленном обсуждении проекта Кодекса в помещении «Пролеткино» (Новосибирск) выступавшие говорили о том, что признание фактического брака заставит мужчин и женщин более серьезно относиться к взаимоотношениям полов, к семье¹³. Подводя итоги обсуждения, газета «Советская Сибирь» сделала вывод, что большинство населения региона одобрило проект Кодекса¹⁴.

Однако, как показывают источники, реальное состояние общественного мнения было не столь однозначно. Много возражений вызвал проект Кодекса и в ходе обсуждения его на сессии ВЦИК. Но, учитывая состояние отношений в этой сфере, необходимость формирования новых норм семейной морали, ВЦИК все же принял Кодекс, в котором фактический брак признавался равноправным с юридически оформленным [3, с. 148].

В Сибири в ходе переписи 1926 г. было зафиксировано большое количество фактических браков¹⁵. Но принятие нового брачно-семейного законодательства также подтолкнуло часть населения к юридическому оформлению отношений. Количество юридически оформленных браков резко выросло: в 1925 г. число заключенных браков на 1 тыс. населения составило 7,1, а в 1927 г. – уже 12, т.е. почти удвоилось. Вместе с тем участились и разводы: в 1925 г. их было 2 на 1 тыс. жителей, а в 1927 г. их число возросло до 5,8 [4, с. 6]. Это свидетельствовало о резкой активизации внимания населения к области семейно-брачных отношений, интенсивном процессе переоценки принципов и норм поведения в этой сфере.

Признание фактического брака привело к резкому росту количества судебных процессов, на которых женщины вынуждены были требовать юридического признания своих претензий к мужчинам, не желавшим добровольно выполнять свои обязательства по отношению к супруге или детям. В 1926 г. судебные процессы по взысканию алиментов составили 9,25 % (7815 дел) от всех гражданских дел, рассмотренных судами Сибирского края; во втором полугодии 1927 г. – 11,3 % (11 904), а в первом полугодии 1928 г. – 9,9 % (15 736). Таким образом, очевиден интенсивный рост этой категории гражданских исков, достигший в пер-

⁸ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2-1. Д. 1684. Л. 86, 97–104; Д. 2439. Л. 19.

⁹ Там же. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 145. Л. 24.

¹⁰ Там же. Л. 23.

¹¹ Там же. Л. 24.

¹² Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4027. Л. 57.

¹³ Сов. Сибирь. 1926. 4 февр.

¹⁴ Там же. 13 февр.

¹⁵ Сов. Сибирь. 1927. 8 янв.

вой половине 1928 г. объема, почти вдвое превышающего годовой уровень в 1926 г. Среди алиментных дел иски на содержание детей занимали первое место – 79 %, причем основная доля – 75,5 % – приходилась на детей грудного и дошкольного возраста¹⁶.

Основную социальную группу истцов в городе составляли домашние хозяйки, наименьшую – служащие. Такое положение объяснялось следующими причинами: домашняя хозяйка, как правило, не имевшая профессии и не приспособленная к жизни вне домашнего хозяйства, наиболее остро, по сравнению с другими группами женщин, нуждалась в оказании материальной помощи для воспитания ребенка. Кроме того, домохозяйки в 1920-е гг. составляли основной контингент городского женского населения в Сибири.

В деревне наибольшую группу истцов составили крестьянки-беднячки, наименьшую – служащие. Крестьянки-беднячки являлись наименее обеспеченным слоем, поэтому при рождении ребенка и нежелании мужчины его обеспечивать матери часто не могли обойтись без помощи суда. Кроме того, будучи в силу своих экономических условий наиболее незащищенными, бедные крестьянки в большей степени подвергались насилию и пренебрежению.

Интересно отметить, что среди ответчиков по делам о взыскании алиментов в городе наибольшую долю составляли служащие, а в деревне – середняки. Как правило, суды шли навстречу стремлению женщин получать материальную поддержку от отца при воспитании детей и выносили решения о выплате алиментов.

В числе прочих условий для достижения равноправия полов важное значение имело обеспечение экономической независимости женщины, предоставление ей возможности своими трудом зарабатывать себе на жизнь. В 1920-х гг. получить рабочее место, да еще хорошо оплачиваемое, для женской части населения Сибири было довольно трудно. Среди работавших по найму на предприятиях и в учреждениях Сибири в 1924–1926 гг. женщины составляли всего 17,5–18 %. А среди зарегистрировавшихся на бирже труда безработных женщины составляли более половины¹⁷.

Положение женщин в общественном производстве по многим показателям еще было неравноправным с мужчинами. Зарплата женщин в среднем составляла только около 3/4 от зарплаты мужчин, женщины в первую очередь подвергались увольнению; кроме того, дискриминация женщин часто носила скрытый характер, проявляясь в моральном давлении со стороны мужской части трудовых коллективов.

Значительная часть работавших женщин в 1920-е гг. была занята в традиционной для женского труда сфере – домашнем хозяйстве, где роль прислуги или няни для детей часто ставила женщин в зависимое положение от хозяев, порождая возможности для посягатель-

ства на их интересы и права со стороны мужчин. Все это вызывало многочисленные обращения женщин в суд для защиты своих прав и интересов.

По данным судебной статистики, в 1926 г. обращения в судебные учреждения Сибирского края, в которых содержались жалобы женщин на ущемление их имущественных или личностных прав в связи с конфликтами и спорами в области трудовых отношений, составили около 12 % от общего количества гражданских дел; на уровне 12–13 % они оставались и в 1927–1928 гг.¹⁸ Но в количественном отношении число обращений женщин в суд значительно увеличилось. В 1926 г. около 20 тыс. женщин обратились в суд по поводу ущемления их прав в области трудовых отношений, а в 1928 г. это число почти удвоилось, что свидетельствует об активизации женщин в отстаивании своих интересов. Большинство обращений в суд было связано со спорами по поводу заработной платы женщин, их доля от всех исков, связанных с трудовыми отношениями, составляла 87,1 %, иски о восстановлении в должности и оплате вынужденного прогула – 8,6 %¹⁹.

Суды обычно старались защитить интересы женщин в трудовой сфере. Из общего числа подобных исков было удовлетворено 63,5 %, прекращено по различным причинам (в том числе по согласию ответчиков удовлетворить требования иска) 20,4 %, только в 16,1 % случаев женщины получили отказ.

По социальному положению обратившиеся в суд женщины распределялись следующим образом: основную группу истцов в городе представляли работницы – 30,5 %, затем домашние работницы – 25, низшие служащие – 16 %. В деревне на первом месте оказывались батрачки, которые составили половину всех обратившихся в суд, затем крестьянки-беднячки – 47 %.

Ответчиками в городе выступали государственные учреждения и предприятия – 36,7 %, кустари – 10, домохозяйки – 13,3, торговцы – 10 %; в деревне подавляющее большинство ответчиков – это крестьяне: середняки и зажиточные²⁰.

Возникновение судебных дел по трудовым конфликтам определялось слабой работой профсоюзов по защите трудовых отношений, бюрократическим произволом начальства и многими другими причинами. Эти причины можно считать общими для всех работников без различия пола. Но в случаях конфликтов работниц со своими работодателями к ним добавлялись такие специфические причины, как сохранявшиеся представления о том, что женщина не является столь же полноценным и равноправным работником, как мужчина. Довольно часто увольнения женщин оправдывались тем, что мужчина должен кормить семью, а женщина может прожить и «за мужем». Низкую квалификацию женщин, которая была исторически обусловлена, также приводили в качестве основания для дискриминации и увольнения.

¹⁶ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4027. Л. 46.

¹⁷ Там же. Д. 1687. Л. 51–63.

¹⁸ Там же. Д. 4027. Л. 37.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 38.

Особую конфликтную группу истцов по отношению к нанимателям (среди которых значительный процент составляли тоже женщины – домохозяйки) представляли домработницы. Специфичность их трудовых взаимоотношений с нанимателями, нерегламентированный рабочий день, отсутствие в большинстве случаев договоров с профсоюзом – все это приводило к тому, что часто конфликты нанимателя и нанявшейся домработницы доходили до суда.

В таких делах женщины могли уже опираться на позицию государства, установленного минимально допустимые нормы оплаты труда. При рассмотрении судебных дел были нередки случаи, когда суд отменял уровень оплаты, установленный устным личным договором нанявшейся женщины и нанимателя как ущемляющий интересы домработницы, применяя в решении по делу существовавшие минимальные ставки оплаты труда домработниц.

В качестве примера можно привести дело домработницы Подкиной, которая в своем заявлении в Особую трудовую сессию при народном суде в одном из районов г. Новосибирска указала, что она нанималась к технику Сиблестреста гражданину Табаку в качестве домработницы за 15 руб. в месяц. Позднее Табак внес изменение в этот договор, предложив Подкиной ежемесячное вознаграждение в 8 руб., половую связь с ним и «взаимное доверие». Соглашение состоялось. И только лишь после того, как Подкина сделала аборт и убедилась, что такой «договор найма» по существу ей не выгоден, она написала заявление о взыскании зарплаты по первоначальному договору и выплате ей выходного пособия. Оба иска суд удовлетворил полностью.

В сфере домашнего и частного хозяйства часто возникали конфликты между родственниками. По данным Сибирского краевого суда, в общем количестве трудовых дел 5,6 % в городе и 1,5 % в деревне составляли дела, возбужденные по заявлению женщин в отношении родственников.

Достаточно привести типичный пример, чтобы иметь совершенно полное представление о многих десятках подобных же случаев. Гражданка Миронова приехала в город искать работу, но так и не смогла устроиться. Ее приютила тетя, которая заключила с ней соглашение о работе по дому «за квартиру и хлеб». Миронова прожила и проработала у родственников год, а затем подала иск о взыскании зарплаты. Суд принял во внимание, что фактически Миронова выполняла роль домработницы. При этом, заключив устное соглашение, ответчица решила избавиться от выплаты зарплаты и соцстрахования, воспользовавшись безвыходным положением истицы. Суд принял решение о выплате Мироновой зарплаты как домработнице ответчицы.

В деревне довольно часто эксплуатация женского труда маскировалась установлением якобы семейных отношений, когда девушек принимали в семью в качестве приемной дочери. Сироты, беспризорники, подростки, выброшенные жизнью на улицу, брались

в «приемные дети» с тем расчетом, чтобы максимальное использование женского труда не только не оплачивалось деньгами, но даже и сносным, мало-мальским сытым существованием. В обзоре подобных дел, представленном Кузнецким окружным судом, описана очень характерная позиция в суде таких лже-усыновителей: «Где-то надо мне было найти работника»²¹.

Очевидно, что наиболее жестокой эксплуатации работавшие женщины подвергались в деревне, где забитость и униженное положение женского пола являлись традиционными для крестьянского общества. Большинство прошедших через судебные учреждения Сибири договоров женщин о работе в крестьянском хозяйстве носили явно кабальный характер, несмотря на то, что многие из них заключались при посредстве профсоюза. Так, при рассмотрении одного из судебных дел выяснилось, что середняк-крестьянин заключил договор с батрачкой, по которому она за работу в течение летнего сезона должна была получить всего 10 пуд. муки; в другом случае батрачка три месяца отработала за юбку и ботинки. Еще в одном случае девушка за работу по дому в течение года получала по договору только 10 руб. и валенки. В судах Сибирского края проходила длинная вереница таких разбирательств, что не в последнюю очередь было вызвано слабой работой профсоюзов по заключению договоров.

Вместе с тем следует отметить, что в изучаемый период партийные и профсоюзные органы развернули активную работу по достижению равноправия женщин. В феврале 1926 г. Отдел ЦК ВКП(б) по работе с работницами и крестьянками провел широкое совещание, по итогам которого было принято Постановление ЦК ВКП(б) «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок». Активное участие в совещании и подготовке данного постановления приняли представители Сибири²². На всех предприятиях Сибири в 1926 г. прошли собрания, посвященные проблемам женщин-работниц и домохозяек, состоялись конференции работниц²³.

В середине 1927 г. в Сибири было проведено широкое обследование условий труда и быта работниц. По результатам обследования Сибкрайком ВКП(б) принял постановление, в котором обращалось внимание местных парторганизаций на активизацию работы среди женщин, в частности, было решено провести общеродские конференции работниц²⁴. В преддверии Всесоюзного съезда работниц, намеченного на 11 октября 1927 г., в городах и округах Сибири прошли съезды женщин²⁵. 25–28 июня 1928 г. ВЦСПС провел Всесоюзное совещание по работе среди женщин, на котором присутствовали также представители Сибири.²⁶

Таким образом, постепенно процесс эмансипации женщины, сопутствующий утверждению нового

²¹ Там же. Л. 39.

²² Там же. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 139. Л. 53–61.

²³ Там же. Л. 125.

²⁴ Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1927. № 8–9. С. 13.

²⁵ Сов. Сибирь. 1927. 4 окт.

²⁶ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 12. Д. 164. Л. 207.

типа семьи, характерного для индустриально-урбанистического общества, приносил свои результаты. В обществе утверждались представления о необходимости товарищеских отношений между мужчиной и женщиной, о новой роли женщины в семье и обществе. Эмансипации женщин, утверждению их равноправия с мужчинами эффективно способствовало участие судебных учреждений Сибири в защите имущественных и личных прав женщин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольфсон С.Я. Социология брака и семья. Минск, 1929.
2. Бранденбургский Я.И. Брак и семья. М., 1926.
3. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1979.
4. Естественное движение населения в Сибирском крае за 1925–1927 гг. Новосибирск, 1930.

*Статья поступила
в редакцию 19.11.2012*

УДК 321.74 (571. 1/.5) “1924/1930”

Т.И. МОРОЗОВА

БЮРО СИБИРСКОГО КРАЕВОГО КОМИТЕТА РКП(б)–ВКП(б): КОМПЕТЕНЦИЯ, СОСТАВ, ФОРМЫ И МЕТОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (май 1924 – август 1930 г.)

Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: morozova_tatiana@bk.ru

В статье рассматриваются компетенция, кадровый состав, принципы формирования, формы и методы работы бюро Сибирского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б) с мая 1924 по август 1930 г., являвшегося высшим партийным органом Сибири. На основе широкого круга архивных источников и материалов периодической печати характеризуются взаимоотношения краевого центра с ЦК и местными партийными организациями. Прослеживается процесс бюрократизации регионального партийного аппарата. Выявляются роль и место бюро Сибкрайкома в системе партийного руководства Сибирью.

Ключевые слова: бюро, коммунистическая партия, партийный аппарат, Сибкрайком, Сибирь.

«Руководящее ядро партии», «высший орган власти в СССР» – характеристики, давно и прочно закрепившиеся в исторической литературе за Политическим бюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Сформулированный в постсоветской историографии тезис о произошедшей в начале 1920-х гг. концентрации реальных властных полномочий в пределах исполнительных структур РКП(б) [1, с. 23] внес принципиальные изменения в представления о внутреннем устройстве и механизме работы аппарата коммунистической партии. Признание как первоочередной роли Политбюро в партийно-политической системе 1920-х гг. [2; 3; 4], так и появление второго могущественного центра власти в лице Оргбюро [5, с. 37] актуализировало задачу изучения не только самих этих структур, но и их местных аналогов – бюро областных и краевых комитетов большевистской партии.

Характерное для советской историографии понимание бюро краевых комитетов как органов, только контролирующих выполнение парторганизациями решений партийных форумов [6], сменилось осознанием реального значения этих структур. Деятельность бюро краевых комитетов получила объяснение в контексте разворачивавшейся внутрипартийной борьбы [7]. Изучение партийно-государственного аппарата отдельных регионов СССР привело к выводам, что уже в 1920-е гг. в стране была создана бюрократическая сис-

тема власти. Исследователи показали, что являвшиеся частью этой системы бюро краевых комитетов оказались в результате оторваны как от партийной массы, так и от общества в целом [1; 8]. В то же время специального изучения этих органов, и в том числе бюро Сибирского краевого комитета, до настоящего времени не предпринималось.

Создание в марте 1919 г. Политбюро и Оргбюро ЦК, а затем и бюро региональных партийных комитетов было вызвано необходимостью обеспечить непрерывность партийного руководства. Основанием для выделения бюро в структуре областных парткомитетов послужил Устав РКП(б), принятый XII Всероссийской партконференцией в августе 1922 г. [9, с. 266]. В обязанности новым партийным органам вменялось ведение текущей работы между периодически созываемыми пленумами и конференциями. Отсутствие документально зафиксированной компетенции и оперативность работы бюро областных и краевых комитетов РКП(б) привели к тому, что сосредоточенная в их руках власть не ограничивалась ничем, за исключением полномочий вышестоящих органов и требования соблюдения партийной дисциплины.

Бюро Сибирского краевого комитета РКП(б) было создано 11 мая 1924 г. и просуществовало до середины августа 1930 г. Входявшее в компетенцию бюро веде-